
Марина Ветрова ✦ Милана Седина
Измена мужа.
Шесть лет ты водил любовницу на завтраки за мой счёт!

Милана Седина

Измена мужа. Шесть лет ты водил любовницу на завтраки за мой счёт!

«Автор»
2026

Седина М.

Измена мужа. Шесть лет ты водил любовницу на завтраки за мой счёт! / М. Седина — «Автор», 2026

Шесть лет мой идеальный муж водил другую женщину на завтраки. Дважды в неделю. В один и тот же ресторан. И каждый раз расплачивался нашей общей картой!Я узнала об этом случайно, проверяя банковские выписки. Шестьсот двадцать четыре завтрака. Почти сто восемьдесят тысяч франков. Моих денег!Артём думал, что я никогда не замечу измены. Но он забыл, что его жена — финансовый директор.Когда я начала проверять счета, выяснилось: любовница была лишь частью гораздо более опасной тайны.Теперь мужу грозит не только развод, но и потеря карьеры.А на моей стороне оказался Стефан — влиятельный юрист, который однажды уже хотел завоевать моё сердце.

© Седина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сверка 5
Глава 2. Тот самый столик 7
Глава 3. Иск 9
Глава 4. Идеальный муж 11
Глава 5. Тишина банка 13
Глава 6. Сделка 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Марина Ветрова, Милана Седина Измена мужа. Шесть лет ты водил любовницу на завтраки за мой счёт!

Глава 1. Сверка

Цифры не врут. Люди врут — постоянно, легко, с улыбкой. Цифры просто есть. Поэтому в двадцать три часа сорок минут я сидела за столом в своём домашнем кабинете и делала то, что делала каждую первую пятницу месяца: сверяла выписки.

Общий счёт. Наш с Артёмом. Я — финансовый директор регионального узла холдинга в Женеве, я читаю балансы по восемь часов в день, и наш семейный счёт всегда был для меня островом порядка. Двусторонняя печать, аккуратные категории, предсказуемые суммы. Артём — управляющий банком. Мы оба любили, когда сходится.

В ту пятницу оно не сошлось.

Сначала я думала — мелочь. Две операции по карте, проведённые в квартале друг от друга, одна и та же сумма — двести восемьдесят франков. Потом я опустила глаза ниже по выписке. Та же сумма. Тот же день недели. Вторник. Потом вторник. Потом снова вторник. Я листала назад — выписка за месяц, за квартал, потом я открыла папку на внешнем диске, где хранила выписки за все годы, что мы вместе. Шесть лет.

У меня сводило скулы от усталости, кофе остыл, а я листала. Вторник. Вторник. Пятница. Вторник. Пятница. Сумма менялась незначительно — двести восемьдесят, триста десять, двести пятьдесят — как живой человек заказывает то десерт, то второй кофе, то вино. Один и тот же ресторан. Я проверила адрес по коду терминала: «Женевский причал», квартал от набережной Роны. Не самый дорогой. Не самый заметный. Тот самый сорт места, куда ходят не чтобы быть увиденными, а чтобы спокойно поговорить.

Шесть лет. Дважды в неделю. Это почти шестьсот двадцать четыре раза.

Я сложила цифры — профессиональный рефлекс. Получилось около ста восьмидесяти тысяч франков. С нашего общего счёта. На который я переводила свою зарплату. То есть я оплатила — я, Полина Ковалёва, женщина, которая умеет читать баланс лучше, чем лица, — я оплатила около шестисот двадцати четырёх завтраков. Для двоих. Для него и для кого-то ещё.

За стеной безмятежно спал мой муж. Я слышала через приоткрытую дверь его ровное дыхание — он спал всегда ровно, красиво, как человек без долгов и без тайн. Артём Ковалёв. Образцовый. Обаятельный. Управляющий банком, в котором его клиенты доверяли ему миллионы. Я доверяла ему больше, чем клиентам.

Двести восемьдесят франков. Дважды в неделю. Одна и та же сумма с лёгкой погрешностью на десерт.

Я положила ладонь на стол. Рука не дрожала — я отметила это как факт, отстранённо, как отмечают валютную котировку. Внутри меня что-то произошло, но наружу не вышло ничего. Мне тридцать четыре. Я умею держать лицо. Я держала его перед аудитором налоговой службы, который приносил мне счёт на полмиллиона и смотрел, как я нахожу в его расчёте ошибку на один ноль. Я удержу его и сейчас.

Я не буду будить Артёма. Я не буду спрашивать. Вопросы — это утечка информации, а я пока не знаю, что именно мне нужно знать.

Я взяла маркер, обвела код терминала и написала на полях: «Женевский причал». Потом достала чистую тетрадь — плотную, в клетку, для аудиторских рабочих записей — и открыла первую страницу. На этой странице я поставила дату и заголовок: «Проект „Сверка“. Субъект:

А. Ковалёв. Период: шесть лет». Если кто-то шесть лет вёл против меня свою бухгалтерию, я поведу против него свою. Цифра за цифрой. Строка за строкой.

Я закрыла ноутбук, вымыла чашку из-под кофе, высушила её полотенцем и поставила на сушилку горлышком вниз — как всегда. Дом должен выглядеть обычно. Дом и есть моё главное оружие: под этой тишиной я начну копать.

Когда я легла рядом с мужем, он сонно повернулся, уткнулся мне в плечо и пробормотал:

— Ты так поздно. Сверка?

— Сверка, — сказала я. — Всё сходится.

Он уснул. А я лежала в темноте с открытыми глазами и смотрела в потолок, где от уличного фонаря дрожал длинный отсвет, и думала: шестьсот двадцать четыре раза. Шесть лет. Дважды в неделю.

В понедельник утром, ровно в восемь двадцать, за завтраком на нашей кухне, Артём поцеловал меня в макушку и сказал:

— Милая, у меня в пятницу встреча в центре. Завтрак с клиентом. Обычная рутина, закончу к одиннадцати.

— Обычная рутина, — согласилась я и налила ему кофе. Рука всё ещё не дрожала. Кофе пах его привычным ароматом — орех, дым, немного шоколада. Раньше этот запах значил «утро, всё хорошо, он рядом». Теперь он означал: в пятницу, в одиннадцать, по адресу набережной Роны, за столиком у окна, кто-то будет есть с ним круассан на двести восемьдесят франков.

С этих пор я буду знать это про каждое утро. И я улыбнулась мужу — привычно, легко. А внутри, под улыбкой, впервые за много лет проснулся тот самый холодный, ясный, рабочее состояние, с которым я выигрывала любые аудиты. Он думал, что меня невозможно заметить — свою маленькую недельную строку в общей выписке. Он ошибся. Строка была замечена. И в моей тетради в клетку уже была открыта вторая страница.

Цифры не врут. Теперь я буду проверять все цифры вокруг него. И каждую пятницу, и каждый вторник.

— Хорошего дня, — сказала я.

— Тебе тоже, солнце.

Дверь закрылась. Я стояла посреди кухни и слушала, как в подъезде затихает лифт. Во вторник я поеду по адресу из выписки. Лично. Посмотрю на этот завтрак своими глазами — так, как смотрят на актив, который собираются замораживать.

Глава 2. Тот самый столик

Я приехала в «Женевский причал» к половине одиннадцатого утра. Не в пятницу — в пятницу я буду работать, как ни в чём не бывало. Я приехала во вторник.

Ресторан был из тех, что не рекламируют себя. Стеклянная дверь без вывески, внутри — дерево, лён, мягкий свет, хотя на улице стояло серое февральское утро. Пахло свежей выпечкой и кофе. Столики стояли на большом расстоянии друг от друга — расчёт на разговоры, которые не должны быть услышаны. У дальнего окна, за столиком, скрытым от входа высокой пальмой в кадке, — идеальная позиция. Видно всех входящих. Не видно с улицы.

Я села за столик в середине зала, лицом к пальме, и попросила воду.

Сначала я не могла увидеть её — кадка закрывала полстола. Потом женщина в глубоком синем кресле сдвинулась, чтобы взять соусник, и я увидела руку. Тонкое запястье, часы на кожаном ремешке, небрежно взбитые тёмные волосы. Рука женщины, которая привыкла к вниманию и не испытывает перед ним голода.

Артём вошёл через три минуты после меня. Я услышала его голос раньше, чем увидела — он поздоровался с администратором у входа тем тоном, каким здороваются со старыми знакомыми. Домашним. Тоном человека, который ходит сюда не первый год и не десятый.

Я не наклонилась и не отвернулась. Я сидела прямо, лицом к нему, на расстоянии восьми метров. И я видела, как он шёл к ней — неторопливо, с удовольствием, снимая пальто на ходу. Он садился так же — наслаждаясь покоем, которого у нас дома давно не было. Он взял её руку и поднёс к губам. Коротко, буднично, но я видела: это было движение человека, которому знакомо это запястье. Шесть лет знакомо.

Меня не трясло. Мне было холодно — так, как бывает холодно, когда в комнате на градус ниже, чем думаешь. Я следила, как они едят. Она выбирала ему круассан — сама, с витрины, руками в тонких кольцах. Он клал ей джем на тарелку. Они говорили о чём-то, что заставляло её смеяться коротким тёмным смехом, а его — наклоняться через стол ближе, ближе. Двести восемьдесят франков на двоих. Шесть лет.

Я съела свой круассан до конца. Он мне не нравился — он был как вата, — но я дожевала его, потому что не собиралась отставать от столика у окна ни в одной мелочи.

Когда пришёл счёт, я увидела, как Артём привычно, не глядя, протянул карту. Я знала эту карту. Она лежала в его портфеле в левом внутреннем отделении. Общая карта. Приложенная к нашему общему счёту. К счёту, на который я переводила свою зарплату. Я оплатила им этот завтрак. И предыдущие шестьсот двадцать три. Я оплачивала собственной рукой то, как он целует чужое запястье.

И тогда ко мне подошла администратор — высокая женщина лет тридцати пяти, с собранными в узел светлыми волосами и очень внимательными глазами, — и поставила передо мной графин с водой.

— Вы давно не приходили, — сказала она тихо. Не как к незнакомой. Не как к чужой жене.

Я подняла на неё взгляд. Она смотрела на меня с выражением, которого я не ждала: без жалости, без неловкости — с ровным, спокойным пониманием. Так смотрит человек, который ждал этого момента долгое время и не рад ему, но готов.

— Вы знаете, кто я? — спросила я.

— Знаю, — сказала она. — Меня зовут Марго. Я администрирую этот зал шесть лет. Я знаю, кто сидит за столиком у окна. Я знаю, кто платит. И я знаю, чья это карта — она тут привычнее, чем наше меню.

Мы смотрели друг на друга. За окном по набережной Роны шла женщина с зонтом от снега.

— Я не буду делать сцен, — сказала я. — Я не буду подходить. Не сегодня.

— Не сегодня, — согласилась Марго. — Сегодня вам нужна вода. И, возможно, мой номер телефона.

Она положила передо мной визитку. На обратной стороне от руки был записан номер — не рабочий, личный.

— Сестра Стефана Лорана, — сказала она спокойно. — Не ищите это имя сейчас. Оно найдёт вас само, и очень скоро. Но когда оно найдёт — вы должны знать, что в этом городе у вас уже есть один человек, который видел всё и молчал не потому, что ему было всё равно.

Я взяла визитку. Плотный белый картон, тяжёлый в пальцах.

— Почему вы молчали шесть лет? — тихо спросила я.

Марго посмотрела в сторону окна, где за стеклом лежал серый февраль, и сказала:

— Потому что эти завтраки — не то, чем выглядят. Поверьте, Полина. Изменой тут пахнет только для вас. Для всех остальных за этим столиком — делом пахнет.

Она ушла. Я осталась сидеть с визиткой в руке, с недоеденным круассаном и с новым словом, которое она обронила, как монету на кафель.

Делом.

Я вышла из ресторана, не оглянувшись. В кармане пальто лежала визитка, а в голове — первая догадка, ледяная и трезвая: если это дело, если это операция, если это не просто мужчина и не просто женщина — то что мой муж делает все эти шесть лет на самом деле?

Вечером того же дня мне вручили повестку. Банк Артёма подавал встречный иск против холдинга. Моего холдинга. Моего работодателя. Конфликт, который полгода тлел между двумя структурами — кредитором и заёмщиком, — вспыхнул судом, и ответчиком по встречному требованию значился региональный узел. Мой узел.

Интересы холдинга в этом деле взяла практика «Лоран и партнёры». Ведущий юрист — Стефан Лоран.

Я узнала это имя из документа, и на секунду зал вокруг меня показался мне пустым.

Тот самый Стефан. Тот, кто когда-то поспорил со мной на бутылку вина, что деньги и правда не врут.

Интересно, помнит ли он, кто выиграл тот спор.

Глава 3. Иск

Повестку я читала трижды. Первый раз — глазами. Второй — юриста. Третий — глазами женщины, у которой внутри что-то щёлкнуло, как ригель сейфа, и уже не открылось обратно.

Банк Ковалёва — банк, где работал мой муж, — предъявил холдингу встречные требования: расхождения по совместным сделкам, недополученная прибыль, санкции. Сумма иска была абсурдной, размытой по формулировкам, но внутри была одна строка, от которой у меня похолодели кончики пальцев: «в связи с выявленными расхождениями по сделкам, заключённым в период 2019–2025 годов».

Сделки. Расхождения. Период шесть лет. Я была финансовым директором узла — и мои подписи стояли под половиной этих сделок. Значит, удар был направлен не только в холдинг вообще. Удар приходился и на меня.

Внизу первой страницы — представитель холдинга: практика «Лоран и партнёры». Ведущий юрист по делу — Стефан Лоран. Ирония была в том, что тот же самый банк оставался крупнейшим клиентом этой практики по другим делам, — и именно поэтому Стефан вёл войну против собственного кормильца. Такие вещи я узнаю быстро. Я вообще всё узнаю быстро, если это написано цифрами.

Я не видела его четырнадцать лет. Мы были однокурсниками в магистратуре по финансовому праву — он, высокий, цепкий, с голосом, от которого у студенток краснели уши, и я, которая пришла туда после экономического и знала про баланс больше, чем весь поток вместе взятый. Мы спорили. Постоянно, азартно, с удовольствием — о деньгах и правде. Он утверждал, что правда — это интерпретация, я утверждала, что правда — это выписка. Он поставил бутылку вина на то, что я не смогу найти ошибку в его макете за десять минут. Я нашла её за шесть.

Бутылку он мне так и не отдал — уехал на стажировку в Женеву, и наши дороги разошлись на короткое поздравление с «победой, которая была неизбежной» и лёгкую завесу неловкости с обеих сторон.

Теперь его имя стояло на документе, который защищал — или должен был защищать — и меня, потому что мои подписи были в центре расхождений.

Я пришла на предварительную встречу в здание практики на набережной Роны — стеклянный верх над старым камнем, внутри тишина, как в операционной. Стефана я узнала сразу, хотя он стал старше и жёстче: тот же разворот плеч, тот же прищур, из которого смотрело не любопытство, а расчёт. Он встал мне навстречу — не из вежливости, а как встают, когда хотят показать, что помнят цену встрече.

— Полина, — сказал он вместо приветствия. — Ты не изменилась. Всё так же читаешь с конца.

— Это неправда, — сказала я. — Я читаю с начала. Просто к моменту, когда другие доходят до конца, я уже всё поняла.

Уголок его рта дрогнул. Он жестом предложил мне сесть.

Мы говорили двадцать минут. Он говорил ровно, точно, без лишних слов — он излагал позицию: расхождения, недостоверные подписи, схема, которая тянулась через банк шесть лет. Я слушала и слышала другое. Я слышала, что каждое его слово ложилось не на холдинг вообще, а на одно конкретное место: на блок сделок, которые прошли через банк мужа. Он не давил на меня. Он подчёркивал мне строки. Как будто вместо оправдательной линии он раскладывал передо мной на столе материал для чтения.

— Вы понимаете, — сказал он наконец, откинувшись в кресле, — что если эти сделки будут изучены в суде, то подписи под некоторыми из них окажутся интереснее самих сделок?

— Это угроза? — спросила я спокойно.

— Это прогноз. Угрозы — это для тех, кто не уверен в своей правоте. Я уверен.

Он смотрел на меня поверх стола, и в его глазах было что-то, что я никак не могла расшифровать: он смотрел не на подведомственного сотрудника клиента. Он смотрел на человека, которого давно ждал в этом кабинете.

— А теперь скажи мне, — сказал он, переходя вдруг на «ты», и голос его опустился на полтона, — когда ты в последний раз внимательно смотрела на собственную подпись?

Я не ответила. Внутри меня, где-то под диафрагмой, лежал ледяной факт, который я пока никому не отдала: копия доверенности в портфеле мужа. Я нашла её неделю назад — просто нащупала её, когда искала блокнот, а вскрыла потом, ночью, одна, в кабинете. Моя подпись. Подпись, которую не делала я. Все шесть лет — банальная, тихая, аккуратная подделка.

И вот передо мной сидел человек, который знал это. Может быть, раньше меня.

— Я не буду обсуждать свою подпись с юристом, который читает мои выписки быстрее меня, — сказала я.

— Правильно, — кивнул Стефан без улыбки. — Тогда я предлагаю тебе обсудить её со мной как с кем-то другим. Но не сегодня. Сегодня ты всё ещё не видела всей картины. Приезжай, когда увидишь. Тебе понадобится консультация, и я хочу быть первым, к кому ты придёшь. Не в суде — просто за столом. За ужином, если захочешь.

Он положил передо мной свою визитку — ту же самую, что уже лежала у меня в кармане пальто, только с другой подписью на обороте.

— Почему вы вдруг проявляете ко мне такой интерес, господин Лоран? — спросила я.

Он поднялся, чтобы проводить меня до двери, и на пороге, на секунду наклонив голову, сказал мне тихо и очень чётко:

— Потому что четырнадцать лет назад ты нашла мою ошибку за шесть минут. Я не сомневаюсь, что ты найдёшь и его. И когда найдёшь — я хочу быть рядом. Я жду этого момента дольше, чем ты думаешь, Полина.

Внизу, у выхода, я остановилась и прислонилась лбом к холодному стеклу.

Иск. Подделка. Ресторан. Связная — или не связная. Всё это было не отдельными эпизодами. Всё это было одной картиной, которую я пока не видела целиком.

Но я была финансовым директором. Я умела сводить разрозненные данные в одну картину.

И у меня уже было четыре источника: одна повестка, одна доверенность, одна визитка и одно имя, которое не давало мне спать.

Глава 4. Идеальный муж

Артём пришёл домой с цветами. Белые пионы — мои любимые, он всегда покупал их, когда хотел доставить мне радость, и никогда не ошибался с моментом.

— Для самой красивой женщины Женевы, — сказал он, целуя меня в висок, и от него пахло его обычным ароматом — свежесть, чуть-чуть древесины. — Я скучал сегодня. У нас сложная неделя, но вечером всё забудем. Я приготовил ужин.

Он и приготовил. Рыбу в белом вине, салат с грушей и горгонзолой, открыл бутылку шабли, которую мы берегли к случаю, — всё идеально, тепло, точно. Он рассказывал о работе, о смешном клиенте из Цюриха, о том, как сильно устал от этой текучки, и как хорошо, что дома у него есть я, и как ему это нужно, это наше, тихое. Он держал меня за руку поверх стола. Его большой палец гладил мою ладонь — старое, привычное, ласковое движение.

Я ела рыбу и смотрела на его руку. Хорошо ухоженная. Дорогое кольцо. Часы — те самые, с кожаным ремешком, за которыми он когда-то летал через пол-Европы.

Шесть лет он целовал чужое запястье. Двести восемьдесят франков дважды в неделю. Со счёта, на который я переводила свою зарплату.

— Ты какая-то тихая, солнце, — сказал он, вглядываясь в меня с лёгким беспокойством. — Всё в порядке? Работа?

— Работа, — сказала я и улыбнулась. — Сверка. Ты же знаешь, я люблю, когда всё сходится.

— Ты у меня как часы, — рассмеялся он с облегчением. — Не знаю, что бы я без тебя делал.

Он ушёл в ванную первым. Его портфель стоял в коридоре на скамье — как всегда, не запертый, потому что нам нечего было скрывать друг от друга. Я не была уверена, что хочу проверить. Я уже знала, что хочу проверить. Разница между этими двумя состояниями была чистой формальностью.

Я открыла портфель. Внутренний левый карман — там, где карта. Карта была там. А под ней, в прозрачном файлике, лежала бумага, которую я уже видела однажды, неделю назад, и с которой жила с тех пор под кожей.

Копия доверенности. Официальное название — генеральная доверенность на управление активами и счетами, оформленная на имя Артёма Ковалёва, выданная от имени Полины Ковалёвой.

Дата — одиннадцатый месяц года, шесть лет назад.

Подпись — моя. Фамилия Ковалёва, инициалы П. А., размашистая линия под строчками. Я так не подписываюсь. У меня другая подпись — короче, с другим завершением, я делаю её одинаково тысячи раз, я финансовый директор, моя подпись — рабочий инструмент, я знаю её лучше, чем собственное лицо в зеркале. Здесь был мой почерк, но не моя рука. Уверенная, красивая, старательная копия. Тот, кто её делал, потратил на неё время. Много времени. Возможно — тренировался.

Я села на скамью в коридоре и несколько минут сидела так, слушая шум воды за стеной. Шесть лет. Генеральная доверенность означает, что человек с ней может управлять активами, счетами, подписывать за меня. Всё, что подписано за меня за эти шесть лет. Все те сделки, что теперь фигурировали в материалах. Я не подписывала их — но юридически подписывала именно я.

Копия лежала в портфеле моего мужа. Оригинал — где-то у него же. И я не могла предъявить её, не объявив войну — войну, к которой я не была готова. У меня не было доказательств, что это подделка, кроме моих собственных слов и моей памяти. А против меня у него было

всё: статус, репутация, банк, покровитель — и общественное мнение, готовое принять версию об истеричной жене.

Я вернула копию на место — точно так же, под тем же наклоном. Я вытерла руки о подол домашнего платья, хотя руки были чистые.

Ванная открылась. Артём вышел в халате, с влажными волосами, красивый, родной, любимый — я смотрела на него из глубины коридора и понимала с абсолютной, ледяной ясностью, что не знаю этого человека. Совсем. Шесть лет я жила с аккуратной, тёплой, красивой версией его, а рядом существовала другая версия — с чужим запястьем и с моей подписью в файлике.

— Полина? — он увидел меня и нахмурился. — Ты замёрзла? Ты какая-то…

— Я устала, — сказала я ровно. — Пойду спать.

Я прошла мимо него. Он поймал меня за плечи и повернул к себе — легко, привычно, властно.

— Эй. — Он заглянул мне в глаза. — Что-то произошло. Я же вижу.

Я видела в его глазах тревогу — искреннюю, тёплую, убедительную тревогу. У него это хорошо получалось. Шесть лет получалось.

— Ничего, — сказала я. — Всё сходится, Артём. Всё у нас сходится.

Он улыбнулся и поцеловал меня в лоб.

Я не спала эту ночь. Я лежала рядом с ним и строила план — как строят финансовую модель: входящие потоки, исходящие, риски, точки проверки. У меня не было доказательств — у меня были закономерности. Закономерности — это уже начало. У меня была Марго. У меня было имя Стефана. У меня была я — лучшая в Женеве специалистка по поиску расхождений.

А ещё у меня было то, чего не было у него: знание, что противник уже раскрыт.

Утром я перевела на отдельный счёт, открытый в другом банке, почти всю свою текущую ликвидность — небольшую, незаметную сумму. Потом позвонила и запросила выписку по всем операциям за шесть лет. Потом проверила документы на дом в Живье.

Проверять я боялась. Но когда я проверила, у меня по спине прошёл холод.

Документы на дом лежали не там, где я их оставляла. Папка была тоньше на один документ.

И на смятой обложке оставался жирный отпечаток большого пальца — свежий, ещё липкий на сгибе.

Он уже начал. Он приносил мне пионы и готовил грушу с горгонзолой — и одновременно уже начал.

Значит, война уже шла. Просто я узнала об этом позже всех.

Я закрыла папку, выпрямила спину и достала из кармана визитку. Постояла секунду — и убрала её обратно. Нет. Сначала я соберу свои строки. Каждую мелочь, каждый франк, каждую дату — в тетрадь, которая уже ждала меня на столе. Когда я приду к Стефану Лорану, я приду не с подозрениями. Я приду с балансом.

Время молчать закончилось.

Глава 5. Тишина банка

Тишина банка — особый звук. Она наступает, когда твои пропуска перестают открывать двери, которые открывались вчера. Когда коллеги здороваются с тобой ровно так же, как раньше, но чуть быстрее отводят глаза. Когда повестка, которая вчера ещё была просто документом, вдруг становится главным фактом твоей биографии.

Утром в понедельник меня вызвала служба безопасности холдинга. Мне вручили уведомление: «в связи с судебным спором, связанным с профессиональной деятельностью сотрудника, временно ограничить доступ к базе сделок». Основание было подано так, что подача выглядела процедурой. Но за процедурой стоял конкретный человек — и я узнала об этом в среду, когда в офис холдинга «с дружеским визитом кредитного партнёра» приехал Ришар Моно, региональный директор банка, покровитель Артёма, человек с мягкими манерами и с глазами, которые оценивают тебя как актив. Он попросил десять минут — и получил их, потому что банк был кредитором холдинга, а с кредиторами не спорят.

— Полина, присаживайтесь. — Он указал на кресло с любезностью, от которой в комнате стало холоднее. — Я буду говорить прямо, потому что уважаю вашу компетентность. Я говорил с председателем вашего совета. Мы сошлись во мнении: вам следует выйти из аудита по сделкам двадцатого блока.

— На каком основании?

— Конфликт интересов. — Он сказал это с удовольствием, аккуратно укладывая каждое слово, как монету на стол. — Вы — фигурант спора. Ваш муж — управляющий в банке, который судится с вашим холдингом. Ваши заключения по сделкам, где стоит ваша подпись… — он развёл руками, — согласитесь, это выглядит предосудительно. Вас будут использовать. Вас будут подставлять. Мы оберегаем вас, Полина.

— Вы оберегаете меня или свои сделки, господин Моно?

— Я оберегаю банк, — сказал он без улыбки, и на секунду из-под мягких манер показалось то, что было под ними всегда: камень. — А вы, я надеюсь, оберегаете себя. В вашей ситуации лучший ход — тишина. Не подписывать ничего. Не говорить ничего. Не встречаться ни с кем, кого не одобрила бы служба вашего холдинга. Особенно, — он поднял палец, — особенно с юристами, которые ведут дело против банка. Мне доложили, что вы были в практике Лорана.

Мне стало холодно от того, как это было сказано. Мне доложили. За мной следили. Значит, они боялись. Значит, Стефан действительно что-то мог.

— Это была рабочая встреча по делу, — сказала я ровно. — Юридическая.

— Конечно. — Он кивнул. — Я рад, что мы поняли друг друга. На этой неделе ваш доступ к базе будет временно ограничен. Это не мера, Полина. Это процедура. Вы же любите процедуры, правда?

Двадцать минут спустя я стояла в вестибюле и держала пропуск, который открывал теперь втрое меньше дверей, чем неделю назад. Я не заплакала — я не умею плакать в вестибюлях. Я просто стояла и считала про себя, от одного до десяти, как учат делать перед сложными сделками.

На счёте семь за моей спиной остановились шаги. Я обернулась.

Стефан Лоран шёл по вестибюлю — человек, не имеющий здесь никаких дел, а значит, пришедший ради одного, — в тёмном костюме, с портфелем, уверенный, как человек, который имеет право идти везде, где идёт. Он остановился в двух шагах от меня, и в его лице не было ни капли торжества — только спокойное, холодное подтверждение.

— Полина Ковалёва. — Он сказал это негромко, но так, что я услышала в его голосе то, чего не слышала четыре недели: он был на моей стороне. — Мне доложили о вашем разговоре. У меня тридцать секунд, и я ухожу. Слушайте. Доверенность, копию которой вы нашли, —

копия. Оригинал лежит не в банке. Он лежит в сейфе, к которому у вас нет доступа, — но есть у меня. Это первое. Второе: сегодня с вас сняли аудит. Запишите дату — четырнадцатое. Через полгода вы будете говорить эту дату людям, которые сегодня смотрели на вас снизу вверх, и они будут молчать. И третье, самое важное: я ждал, когда вы сами увидите всё это, Полина. Я не мог дать вам это раньше — вы бы не поверили, вы бы решили, что я хочу использовать вас в суде. Вы должны были дойти сами. Вы дошли. Теперь у меня есть одно предложение. Ужин в пятницу, ресторан на набережной. Вы приходите, вы слушаете, вы уходите. Никаких документов, никакого давления. Только разговор — и ответ на вопрос, что делать с оригиналом, который лежит в моём сейфе.

Он уже разворачивался, когда я окликнула его:

— Господин Лоран. Стефан. Почему вы это делаете? Что вам нужно от меня на самом деле?

Он обернулся и посмотрел на меня долгим взглядом — так, как когда-то смотрел через наш спор о деньгах и правде.

— Мне нужна ваша подпись, — сказал он. — Но не та, что стоит у него в сейфе. Мне нужна ваша подпись. Настоящая. И я готов за неё платить.

Он ушёл. Я стояла в вестибюле и держала пропуск с урезанными правами так, как держат мокрую верёвку, — и понимала, что меня только что бросили в открытую воду. Но впервые за месяц в этой воде была не только угроза. В ней было направление. Оригинал доверенности — в его сейфе. Свидетели — в его папках. Дата — записана. Четырнадцатое число.

Вечером Артём за ужином был ласков, внимателен и даже чем-то мягче обычного. Он сказал, что говорил с Ришаром и что в банке все на моей стороне, что спор — недоразумение, что всё уладится, что мне нужно только «пережить этот месяц спокойно и ничего не предпринимать».

Я слушала мужа и улыбалась ему. А в кармане моего домашнего халата лежала визитка Стефана с записанным от руки временем: пятница, девятнадцать часов, набережная Роны, столик у воды.

И я уже знала, что приду туда не как фигурант спора.

Я приду туда как женщина, которая впервые за долгое время собирается заключить сделку в собственных интересах.

Глава 6. Сделка

Я выбирала платье десять минут — потом рассмеялась над собой и надела то, в котором всегда чувствовала себя сильной: тёмное, прямое, с широким ремнём. Я шла не на свидание. Я шла договариваться.

Стефан ждал за столиком у воды — ресторан на набережной Роны, окно во всю стену, за стеклом медленно несла свои серые воды река. Он встал мне навстречу, отодвинул стул, и я отметила, что он делает это не для галочки: он делает это с точностью человека, который привык владеть ситуацией. Движения уверенные, чуть резкие. Он был опасен — я чувствовала это так же ясно, как чувствую ветер. Но он был опасен для всех, кроме меня. Пока — кроме меня.

— Ты пришла, — сказал он вместо приветствия.

— Ты не сомневался.

— Я не сомневался в тебе. Я сомневался в них. Они могли сломать тебя раньше. — Он говорил без сантиментов, просто фиксируя факт. — Но тебя нельзя сломать цифрами. Ты в них живёшь.

Мы заказали еду, и первые двадцать минут он просто излагал мне положение — сухо, точно, как хороший аудитор. Я слушала, и внутри меня всё холодело, потому что картина, которую он складывал, была именно той, которую я уже собрала сама — только у него были фрагменты, которых у меня не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.